

Н.И. ЕГОРОВА

«НОВАЯ ИСТОРИЯ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"» В СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследовательский интерес к феномену "холодной войны", обусловленный рассекречиванием новых архивных документов и сложностью становления отношений сотрудничества России и стран Запада в современном мире, не иссякает. Об этом свидетельствует деятельность многочисленных центров по изучению "холодной войны", проведение научных конференций, издание книг и статей, посвященных рассмотрению с позиций приобретенного исторического знания как традиционных проблем истории "холодной войны" (начало послевоенной конфронтации, взаимодействие идеологии и политики, ответственность сторон, гонка ядерных вооружений, политика разрядки), так и ее новых аспектов (роль третьих стран, влияние экономических, социокультурных, психологических, цивилизационных и других факторов, окончание противоборства)¹.

Особую роль в расширении пространства историографических дискуссий играют выпускаемые Гарвардским университетом (с 1999 г.) и Лондонской школой экономики (с 2000 г.) специализированные научные журналы², которые помимо публикации статей и рецензий, провели на своих страницах ряд форумов по актуальным проблемам "холодной войны", стимулирующих дальнейшие исследования. Необходимо отметить важную роль дискуссий, которые осуществляются с помощью Интернет-ресурсов, в первую очередь, на "круглых столах" портала по дипломатической истории³, посвященных выходу в свет новых работ по проблемам "холодной войны", а также на сайте Проекта по международной истории "холодной войны" Центра В. Вильсона (США).

В настоящее время понятие «новая история "холодной войны"», которое было введено в научный оборот в 1990-е годы в качестве главной цели начавшегося пересмотра устаревших подходов⁴, вполне сформировалось. Основными характеристиками этой широко применяемой дефиниции является междисциплинарный подход (многофакторность), привлечение документов из архивов разных стран (мультиархивность), сдвиг фокуса исследований с советско-американских отношений на рассмотрение "холодной войны" как международной истории (интернационализм). Соответствие историков этим критериям определяется новым термином "new cold war historian" – представитель «новой истории "холодной войны"».

Егорова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра по изучению "холодной войны".

¹ О необходимости расширения диапазона исследований "холодной войны" см.: *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. New York, 1997; *Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory.* London – Portland (Or.), 2000; *Haslam J.* Collecting and Assembling Pieces of the Jigsaw: Coping with Cold War Archives. – *Cold War History*, v.4, № 3, April 2004, p. 144–148; *Paterson Th.G.* Cold War Revisionism: A Practitioner's Perspective. – *Diplomatic History*, v. 31, № 3, June 2007, p. 387–395.

² *Journal of Cold War Studies*; *Cold War History*.

³ H-Diplo Roundtable Reviews. – www.h-net.org/~diplo/roundtables

⁴ *Чубарьян А.О.* Происхождение "холодной войны" в историографии Востока и Запада. – *Новая и новейшая история*, 1991, № 3, с. 3–17; *его же.* Новая история "холодной войны". – *Новая и новейшая история*, 1997, № 6, с. 3–22.

Наряду с новациями, зарубежные исследователи по-прежнему предпочитают оперировать устоявшимися определениями направлений в историографии "холодной войны": ортодоксальное или традиционалистское (неоортодоксальное, неотрадиционалистское), ревизионистское, постревизионистское. Они критически относятся к оживлению неоортодоксальных трактовок⁵. Вместе с тем некоторые историки полагают, что необходимо отказаться от попыток оценивать современные исследования в рамках тех направлений, которые формировались под влиянием прошлых политических и идеологических разногласий⁶.

Если с такой аргументацией можно поспорить, поскольку в исследованиях конца 1990-х–начала 2000-х годов все еще сохраняются основные "генетические" черты, определяющие их принадлежность к одному из существующих историографических направлений, то в изучении конца "холодной войны" наметилась собственная градация. В основном расхождение идет между сторонниками "триумфалистской" концепции, получившей распространение среди американских исследователей, и ее критиками⁷. Единственное, что объединяет оба эти подхода – это повышенное внимание к роли личностей Р. Рейгана и М.С. Горбачева с акцентом на деятельность "своего" героя⁸.

Завершая краткую характеристику общего состояния историографии, представленной зарубежными исследованиями, отметим, что свой вклад в совместные усилия по созданию «новой истории "холодной войны"» вносят и российские специалисты, хотя по количеству публикаций они по-прежнему уступают западным коллегам.

Помимо журнальных статей, за последние годы издан ряд документальных сборников и книг, которые закрывают многие из имеющихся лакун в изучении периода конфронтации. На эти работы часто ссылаются западные историки⁹.

Для предметного анализа зарубежной историографии нами выбраны три новые монографии, написанные известными специалистами и охватывающие весь период "хо-

⁵ *Painter D.* A Partial History of the Cold War. – *Cold War History*, v. 6, № 4, November 2006, p. 527–534; *Lunderstad G.* The Cold War According to John Gaddis. – *Ibid*, p. 535, 536, 540; *Trachtenberg M.* The United States and Eastern Europe in 1945. A Reassessment. – *Journal of Cold War Studies*, v. 10, № 4, 2008 (Fall), p. 96; *Dijk R.V., Offner A.A.* Reviews of Wilson D. Miscamble. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. New York, 2007. – *Ibid.*, p. 133, 136, 141.

⁶ *Zubok V.* Response. – *H-Diplo Roundtable Reviews*, v. IX, № 10, 2008, p. 36.

⁷ *Cold War Triumphalism: The Misuse of History after the Fall of Communism.* New York – London, 2004; *Cox M.* Another Transatlantic Split? American and European Narratives and the End of the Cold War. – *Cold War History*, v. 7, № 1, February 2007, p. 121–146.

⁸ *Gaddis J.L.* The Cold War: A New History. New York, 2005, p. 193–197; 213, 216; *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1996; *idem.* Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective. Oxford, 2007, p. 239–276; *idem.* Perestroika and the End of the Cold War. – *Cold War History*, v. 7, №1, February 2007, p. 1–17; *Patman R.G.* Some Reflections on Archie Brown and the End of the Cold War. – *Cold War History*, v. 7, № 3, August 2007, p. 439–446; *Brooks S.G., Wohlforth W.C.* Clarifying the End of Cold War Debate. – *Ibid.*, p. 447–454; *Turning Points in the Ending the Cold War.* Stanford (Calif.), 2008.

⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы; Т. 2. Постановления. 1954–1958; Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2003–2008; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006; *Быстрова Н.Е.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007; Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976. Т. I: 1969 – май 1972, в 2-х кн. Кн. 1. 1969–1971; Кн. 2. Январь–май 1972. М., 2007; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу "бархатной" революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – ноябрь 1989. М., 2008; *Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008.

лодной войны"¹⁰. Эти работы, удачно дополняя друг друга, дают наиболее полное представление о содержании понятия «новая история "холодной войны"».

Выход в свет книги "Глобальная холодная война"¹¹, автором которой является профессор и содиректор Центра по изучению "холодной войны" Лондонской школы экономики О.А. Вестада, специалист по изучению истории "холодной войны" и ее специфики в Азии, вызвал широкий резонанс в научных кругах. Книга Вестада получила ряд престижных научных наград, включая премию Бэнкрофта. Отличительной особенностью этого труда является в целом удачная попытка автора реализовать один из главных принципов «новой истории "холодной войны"» – ее рассмотрение в широком международном контексте. Несмотря на то, что Вестада фокусирует внимание на противоборстве сверхдержав США и СССР, его анализ их политики в Азии, Африке и Латинской Америке в тесной взаимосвязи с внутривнутриполитическими событиями в этих регионах выводит "холодную войну" за традиционные рамки советско-американских отношений. Это позволяет автору создать панорамную картину глобализации (интернационализации) "холодной войны", в которую с конца 1960-х годов были постепенно вовлечены страны "третьего мира".

В основе послевоенной конфронтации, по мнению Вестада, лежал различный подход США и СССР к концепции модернизации (с. 4). Выделив в качестве влиятельного фактора формирования биполярной системы международных отношений противостояние двух противоположных подходов к модернизации (с акцентом на "свободу" у США и "социальную справедливость" у СССР), Вестада придает особое значение идеологической составляющей противоборства сверхдержав в "третьем мире", их мессианизму. Автор подчеркивает, что каждая из сторон полагала, что именно ее идеологические ценности и модель развития будут способствовать прогрессу развивающихся стран.

Интерес к идеологическому фактору в той или иной степени всегда присутствовал в изучении послевоенной конфронтации, но под влиянием рассекреченных документов российских и восточноевропейских архивов он вновь привлек особое внимание исследователей. Однако особенность интерпретации Вестада состоит в том, что "холодная война" рассматривается им в тесной взаимосвязи с колониальным и неоколониальным европейским опытом, получившем своеобразное преломление в "интервенционистской" (в широком истолковании этого слова) политике США и СССР в "третьем мире" в 1970–1980-е годы. Этот хронологический период находится в центре внимания автора.

Новизна работы Вестада (на фоне трудов, посвященных крушению колониальных империй после 1945 г., "движению неприсоединения", кризисам в странах "третьего мира") состоит не только в тезисе о значительном влиянии "холодной войны" на освободительные движения в "третьем мире". Опираясь на большой массив литературы, широкое привлечение нового документального материала, особенно из российских архивов, а также на свидетельства устной истории, Вестада представил сравнительный анализ активности сверхдержав в странах "третьего мира".

В книге показано, что динамика "интервенционистской" политики США после 1945 г. имела волнообразный характер. В качестве главной движущей силы в нарастающем вовлечении США в страны "третьего мира" Вестада выделяет противодействие "коммунистической угрозе". Не отрицая влияния интересов американского бизнеса на политику в странах "третьего мира", Вестада подчеркивает, что роль рынка во внешней

¹⁰ Аналитический обзор новой книги одного из ведущих историков "холодной войны" Дж.Л. Гэддиса (*Gaddis J.L. The Cold War: A New History*) см.: *Мальков В.Л.* Смена парадигм. Заметки в связи с выходом в свет новой книги Джона Льюиса Гэддиса "Холодная война: новая история". – Американский ежегодник, 2005. М., 2007, с. 194–217; *его же.* Многосторонняя дипломатия в современной историографии холодной войны: опыт сопоставления. – Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. М., 2008, с. 109–130.

¹¹ *Westad A.O. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of our Times.* Cambridge, 2007.

политике США являлась составной частью общей идеологии (с. 28). США, став мировой экономической сверхдержавой, стремились взять на себя ответственность за развитие мировой экономики, включая экономику освободившихся от колониальной зависимости государств, по американскому образцу. В итоге наряду с распространением демократии, это должно было вести к "сдерживанию" коммунизма в странах "третьего мира". Таким образом, автор связывает идеологию и политику США с проблемами развития свободного рынка, модернизации, а также с осуществлением ими ряда военных интервенций в противовес "коммунистической угрозе" (с. 38).

Веста́д, рассматривая обеспокоенность американской политической элиты конца 1970-х годов "опасным вызовом" со стороны стран "третьего мира", подчеркивает, что источником тревоги (помимо внутренней причины – подъема неоконсерватизма в США) служила неверная посылка, согласно которой революционные движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки были результатом советской подрывной деятельности. Однако эти движения были не результатом, а причиной укрепления позиций СССР в странах "третьего мира" (с. 332). Проанализированный в книге материал о событиях на Кубе, в Юго-Восточной Азии, Никарагуа, Эфиопии, Анголе, Южной Африке показывает, сколь велико было влияние региональных факторов, связанных как с процессами деколонизации и становления новых национальных государств, так и с борьбой партий и национальных элит за власть, обострением этнических проблем, которые служили отправной точкой революционных изменений и гражданских войн. Во главе оппозиционных сил часто оказывались лидеры, находившиеся под воздействием марксистских идей и общего подъема левых настроений в 1960-е годы (с. 97). С этих позиций советский социалистический эксперимент казался более привлекательным, чем отягощенный колониальным прошлым капиталистический путь развития. Расчеты строились и с учетом провозглашавшегося СССР и другими странами советского блока принципа пролетарского интернационализма, который подразумевал помощь национально-освободительным движениям.

Обращаясь к анализу советской политики в странах "третьего мира", Веста́д рассматривает три ее этапа: коминтерновский (не получивший своего развития в годы сталинской диктатуры, несмотря на победу коммунизма в Китае и войну в Корее); хрущевский период (отмеченный началом борьбы за влияние в странах "третьего мира") и переход к широкомасштабной активности СССР в развивающихся странах в 1970–1980-е годы. Выявляя причины того, почему Москва в это десятилетие вступила на путь расширения вмешательства (вплоть до военного) в дела стран "третьего мира", ставившего под удар стремление советского руководства продолжать политику разрядки, Веста́д подчеркивает, что победа коммунистов во Вьетнаме и радикализация либеральных движений оценивались СССР "как возникновение такой ситуации на международной арене, при которой могла быть достигнута цель социалистической трансформации" (с. 202).

Помимо изложения перипетий Конголезского кризиса начала 1960-х годов, Веста́д подробно рассматривает основные направления "битвы" СССР за Африку в 1970-е годы: от поддержки Эфиопии в ее революционных преобразованиях и конфликте с Сомали до советско-кубинского силового вмешательства в Анголе.

Особое место отводится политике Советского Союза в отношении Афганистана после падения режима М. Дауда в апреле 1978 г. Веста́д, опираясь на документы российских архивов, прослеживает, как в условиях разворачивавшейся гражданской войны и усилившегося раскола среди афганских коммунистов, вызревало волюнтаристское решение Политбюро ЦК КПСС о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

По сравнению с разделами, посвященными продвижению США в "третьем мире", в книге лучше раскрыт сложный механизм выработки и принятия советским руководством ключевых решений в отношении развивающихся стран. Веста́д, располагая рядом документов международного отдела ЦК КПСС (которые в настоящее время оказались вновь недоступны для исследователей), а также интервью с бывшими работни-

ками аппарата ЦК КПСС и министерства иностранных дел СССР, показывает, что общая приверженность марксистской идеологии не исключала различий в оценке расширения советского вовлечения в страны "третьего мира". Как отмечает Вестада, в кругах советской политической элиты вызревало скептическое отношение к возможности построения социализма в Эфиопии, Анголе, Южном Йемене и других странах "третьего мира". Однако только с приходом к власти М.С. Горбачева в апреле 1985 г., и то спустя два года, активное советское вмешательство в дела "третьего мира" пошло на убыль. Начавшийся в 1988 г. вывод советских войск из Афганистана символизировал этот процесс.

Подчеркивая, что СССР и США не были равноценными (по своей мощи) сверхдержавами, Вестада полагает, что именно американский образец развития, непрекращающееся вмешательство США, потребность в сырье оказали как позитивное, так и во многом негативное влияние на формирование "третьего мира" как целостного понятия (с. 157, 403, 404).

Что касается воздействия на страны "третьего мира" идеологии "холодной войны" и распространения на них противоборства сверхдержав, то, по мнению автора, это способствовало продолжению гражданских войн и значительно затрудняло урегулирование конфликтов, унаследованных от колониального периода (с. 398).

Монография Вестада вносит существенный вклад в создание международной истории "холодной войны". Это находит свое выражение в том, что, помимо политики сверхдержав, в книге подробно рассмотрены внутривнутриполитические и внешнеполитические события в тех странах "третьего мира", которые стали объектом американского или советского вмешательства: Гватемала, Никарагуа, Конго, Эфиопия, Сомали, Ангола, Мозамбик, Иран, Афганистан, Индонезия. В контексте советско-китайского конфликта с начала 1960-х и его воздействия на страны "третьего мира" особое внимание уделено Вьетнаму и Кубе как примерам различного развития революционного процесса в странах "третьего мира". Немало материала по странам "третьего мира" содержится в главе о процессе деколонизации и "движении неприсоединения". Все это дает широкое представление о влиянии "холодной войны" на развитие "третьего мира" и о вкладе самих этих стран в эволюцию конфронтации сверхдержав.

В то же время, вызывает возражение (как, впрочем, и у многих западных коллег) спорный тезис Вестада о том, что основным содержанием "холодной войны" было соперничество сверхдержав не в Европе, не в военно-стратегической сфере, а в "третьем мире". Рассмотрение конфронтации под этим углом зрения подводит Вестада к мысли, что "холодную войну" можно интерпретировать "как продолжение колониализма посредством несколько иных методов" (с. 396). Разделяя точку зрения Вестада, что "холодная война" имела значительное влияние на процессы деколонизации, появления "движения неприсоединения" и последующее развитие освободившихся государств, вряд ли можно согласиться с его попыткой интерпретировать политику сверхдержав и сложные процессы в "третьем мире" как центральное направление "холодной войны".

Избранный Вестадом акцент на идеологии в качестве главной движущей силы политики США и СССР в странах "третьего мира" оставляет за рамками исследования многие стратегические, политические, экономические и другие важные причины вмешательства сверхдержав в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Об ограниченности подхода Вестада свидетельствует и тот факт, что в ходе изложения материала автору все же приходится упоминать об американских нефтяных интересах в Иране (с. 120, 121), о стратегической важности Южной Африки для США и Эфиопии для СССР (с. 212, 268). Британский историк также замечает, что среди причин, побуждавших советских лидеров расширять масштабы вовлеченности СССР в дела стран "третьего мира", были не только идеологические мотивы солидарности с национально-освободительным движением, но и желание доказать, что Советский Союз является равноправной сверхдержавой (с. 209, 286). Следует отметить, что этот фактор очень

важен для понимания активности СССР в развивающихся странах с середины 1970-х годов¹².

Однако Вестаду в целом удалось успешно реализовать поставленные задачи. Полемиическая заостренность исследования, автора которого некоторые рецензенты зачислили в "ревизионисты", большой фактический материал, который он изучил, заставляют как тех, кто разделяет его концепции, так и его оппонентов учитывать в дальнейших исследованиях результаты проделанной работы, а также задуматься над поставленными новыми вопросами.

Об этом свидетельствует вышедшая в 2007 г. монография ведущего американского специалиста по внешней политике США и "холодной войне", заслуженного (имени Стеттиниуса) профессора Вирджинского университета М.П. Леффлера¹³. Используя в заглавии книги высказывание президента Дж. Буша-старшего, назвавшего "холодную войну" "борьбой за саму душу человечества" (с. 3), автор подчеркнул, что он его полностью разделяет. Как и книга Вестада, работа Леффлера основана на большом количестве рассекреченных за последние годы архивных документов, включая российские (использованные в переводе), и новых исследованиях. Автор не ставит задачу последовательно изложить всю историю "холодной войны": он проанализировал лишь пять выделенных им периодов в развитии конфронтации (с. 7). Однако его исследование вносит существенный вклад в выяснение важного и все еще дискуссионного вопроса о том, какие основные факторы превалировали в происхождении и разворачивании послевоенной конфронтации между США и СССР и их союзниками – идеология или политика силы.

В монографии "Превосходство силы", на которую Леффлер ссылается в своей новой книге, он, на интерпретации происхождения и развития "холодной войны" выступил в качестве приверженца концепции национальных интересов¹⁴. Однако в ходе последующих историографических дискуссий по «новой истории "холодной войны"» Леффлер обозначил направление пересмотра своей прежней трактовки в сторону подчеркивания роли идеологии¹⁵.

Глобальное соперничество противоположных социально-политических систем в стремлении преуспеть в распространении своих моделей развития на остальной мир рассматривается в традиционном ключе: через призму взаимоотношений основных протагонистов в "холодной войне" – США и СССР. Новизна подхода Леффлера проявляется в том, что он фокусирует внимание на роли личности, чтобы понять поведение советских и американских политических лидеров и оценить их вклад в начало, развитие и окончание "холодной войны". Леффлер в комплексе анализирует такие составляющие внешнеполитической деятельности, как идеи, историческая память, влияние внутриполитических группировок, давление со стороны союзников по блокам и, что не менее важно, воздействие международной системы. В качестве связующего звена выделены идейно-психологические факторы, влиявшие на восприятие политическими лидерами внешнего мира.

Такой концептуальный подход позволяет автору, не прибегая к последовательному изложению событий периода конфронтации, показать, почему, на его взгляд, "холодная война" не была изначально предопределена и почему она не могла закончиться до конца 1980-х годов. Обращаясь к 1945–1948 гг., исследователь критикует точку зрения, согласно которой неизбежность "холодной войны" была обусловлена "отвращением Запада к жестокости Сталина" (с. 44). Автор отмечает, что эта сторона полити-

¹² Брутенц К.Н. Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 115–117, 121.

¹³ Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. New York, 2007.

¹⁴ Leffler M.P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War. Stanford (Calif.), 1993.

¹⁵ Leffler M.P. Bringing it Together: The Parts and the Whole. – Reviewing the Cold War..., p. 43–63.

ки Сталина мало волновала американских государственных деятелей – причины разрывания "холодной войны" лежали в иной плоскости (с. 63).

Проанализировав политическую биографию Сталина, влияние марксистско-ленинской идеологии и поведение советского лидера в первые годы после Второй мировой войны, с учетом огромных материальных и человеческих потерь Советского Союза в этой войне, Леффлер приходит к выводу о том, что интересы обеспечения национальной безопасности (в частности предотвращения возрождения военной мощи Германии и Японии, получения займов и репараций для реконструкции разрушенной войной экономики) диктовали Сталину, при всей его подозрительности в отношении капиталистического Запада, необходимость продолжения сотрудничества с западными союзниками в послевоенные годы. К выводу о том, что советское руководство в 1945–1946 гг. все еще сохраняло надежды на достижение своих внешнеполитических целей без разрыва отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции, приходят и российские исследователи, изучившие документы личного архива Сталина и рассекреченные фонды Политбюро и ЦК КПСС¹⁶.

Леффлер подверг критическому осмыслению точку зрения, согласно которой Г. Трумэн под давлением своих антисоветски настроенных советников сразу же после прихода к власти развязал "холодную войну". В книге подробно рассматриваются идейно-политические взгляды Трумэна: он воспринимал мир в черно-белых тонах и придавал большое значение американской мощи. Обладание атомной бомбой расценивалось Трумэном как новый инструмент этой мощи. Однако, несмотря на неопытность во внешнеполитических делах, новый президент США считал возможным вести переговоры со Сталиным в отстаивании американских интересов. Трумэн не был настроен на разрушение союзнической коалиции и ввиду сложности внутривосточной ситуации в США, и ввиду незаконченности процесса послевоенного мирного урегулирования. Иными словами, автор подчеркивает, что Трумэн, как и Сталин, изначально не стремился к конфронтации (с. 56, 57).

В качестве объективного фактора, повлиявшего на переход к "холодной войне", Леффлер рассматривает ситуацию, которая сложилась в мире в первые послевоенные годы, и отмечает, что подъем левых настроений в разоренной войной Европе, антиколониальные и революционные националистические движения в Азии, Африке и на Среднем Востоке, с одной стороны, создавали риски, а с другой – новые возможности как для США, так и для СССР. Москва пыталась использовать левые настроения и возникший после поражения Германии и Японии вакуум силы в Европе и Азии. Однако в Вашингтоне нарастало сопротивление такому ходу событий, воспринимавшемуся как угроза американскому образу жизни и капиталистической модели развития. Главными же движущими силами политики конфронтации, которую стали осуществлять американские и советские лидеры с 1947 г., порывая с сотрудничеством военных лет, являлись их идейные установки, одержавшие верх над рациональными соображениями, подозрительность и преувеличенные опасения относительно враждебных намерений друг друга. Хотя Леффлер не сбрасывает со счета ни воздействие внутривосточной ситуации, ни давление союзников по формировавшимся военно-политическим блокам.

Леффлер расширил традиционную, "реалистическую" интерпретацию изменений в системе международных отношений после Второй мировой войны, делающую преимущественный акцент на заполнении образовавшегося вакуума силы Советским Союзом и противодействии этому со стороны США. Он уделяет внимание социально-экономической ситуации в Европе, усилению коммунистических и социалистических партий, подъему революционного национализма в Китае и странах будущего "третьего мира". Без анализа новой ситуации на мировой арене и причин появления двух центров силы трудно объяснить, почему "холодная война", в основе которой лежало про-

¹⁶ Печатнов В.О. Указ. соч., с. 452, 461, 462.

тивоборство противоположных систем, началась не в 1917 г. (как считают сторонники этой точки зрения), а в 1947–1948 гг.

Последующие главы книги объединены темой поисков обеими сторонами возможностей ослабления конфронтации и выявлению причин упущенных возможностей – от первой "оттепели" 1953–1954 гг. до разрядки 1970-х годов и ее эрозии в 1976–1980 гг. Таким образом, важная и в теоретическом, и конкретно-историческом плане проблема разрядки в годы "холодной войны" оказывается стержневой. Подробно рассмотрев "шанс для мира", появившийся с приходом к власти после смерти Сталина нового советского руководства и со сменой хозяина Белого дома в США, Леффлер сосредоточил внимание на внутривнутриполитических и внешнеполитических условиях, которые сопровождали реализацию высказанного в 1953 г. тогдашним главой советского правительства Г.М. Маленковым и американским президентом-республиканцем Д. Эйзенхауэром намерения содействовать ослаблению международной напряженности.

На основании анализа программных заявлений Маленкова в 1953–1954 гг., которые в целом отражали новую линию Кремля и сопровождалась рядом внешнеполитических шагов (подписание перемирия в Корее, отказ от территориальных претензий к Турции, восстановление дипломатических отношений с Израилем), Леффлер приходит к выводу, что коллективное советское руководство было действительно крайне заинтересовано в снижении остроты конфронтации¹⁷.

Ни арест Л.П. Берии, высказывавшего некоторые реформаторские идеи, ни беспорядки в Восточной Германии в июне 1953 г. не поколебали это стремление. Однако Леффлер подчеркивает, что наличие среди главных побудительных мотивов улучшения международной атмосферы идеологической составляющей препятствовало развитию наметившейся позитивной тенденции. Советские лидеры верили в конечную победу коммунизма, по-прежнему видели врага в лице империалистического Запада и не собирались идти на односторонние уступки, как на это рассчитывали в США. Тем более, что со стороны республиканской администрации США был сделан выбор в пользу стратегии "нового взгляда", базировавшегося на доктринах "балансирования на грани войны" и "массированного возмездия"; продолжалась политика интеграции ФРГ в военно-политические структуры Запада.

Завершая исследование первых попыток ослабления международной напряженности, Леффлер заключает, что "не могло быть действительной разрядки или мира до тех пор, пока идеологические предпосылки формировали восприятие обеими сторонами угрозы или же пока не создалось благоприятной возможности в динамичной международной системе" (с. 149–150). С этим выводом можно было бы согласиться, если понимать под разрядкой не просто ослабление международной напряженности, а длительный период мирного сосуществования или даже замену "холодной войны" ("конфронтационной" модели) "кооперационной" моделью взаимоотношений двух антагонистических систем. Что касается ослабления международной напряженности, то трудно отрицать, что в середине 1950-х годов оно все же имело место при наличии всех выделенных Леффлером факторов, влиявших на процесс принятия решений лидерами США и СССР.

К сожалению, автор не продолжил свое изложение до Женевской 1955 г. конференции на высшем уровне. Хотя "дух Женевы" просуществовал недолго, он ярко продемонстрировал возможности переговорного процесса и личной дипломатии в ослаблении "холодной войны", что показано Леффлером на материале урегулирования Кубинского (Карибского) ракетного кризиса, разразившегося в октябре 1962 г., и

¹⁷ Эту точку зрения разделяет и английский историк: *Робертс Дж.* Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения "холодной войны". 1953–1955 годы. – Новая и новейшая история, 2008, № 6, с. 35–75.

подготовки Московского договора 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

Проследивая развитие президентом Дж. Кеннеди курса на улучшение отношений с СССР после подписания в августе 1963 г. Московского договора, Леффлер в то же время уделяет немало места препятствиям, которые влияли на этот курс. Как отмечает исследователь, Кеннеди, желая разрядки, неоднократно говорил о наличии глубоких идеологических различий между США и СССР, их противоположных подходах к так называемым войнам за национальное освобождение, о необходимости поддержки которым заявлял Н.С. Хрущев. Леффлер не дает оценки достигнутому после Кубинского кризиса прогрессу в советско-американских отношениях как ослаблению напряженности. Он лишь отмечает, что к моменту трагических событий 22 ноября 1963 г. в Далласе "будущее разрядки было неясным" (с. 191). Вместе с тем, Леффлер вновь подчеркивает, что идеологические пристрастия Москвы и Вашингтона, историческая память, страх, в совокупности с внутрисполитическими и внешнеполитическими факторами мало способствовали поддержке идеи разрядки (с. 233).

О том, почему разрядка все-таки состоялась, каковы были ее отличительные черты и что привело к новому витку "холодной войны", читатель узнает из главы, посвященной событиям 1975–1980 гг. Хотя Леффлера больше интересует анализ процесса эрозии разрядки, он уделяет много внимания основным дипломатическим достижениям разрядки. Эти достижения Леффлер рассматривает сквозь призму политики Л.И. Брежнева, который, по мнению автора, содействовал развитию данного процесса (в этом вопросе Леффлер ссылается на результаты исследования В.М. Зубока, о котором речь пойдет позже).

На основе привлечения большого количества нового документального материала и проведения сравнительного анализа политики СССР и США после победы на президентских выборах 1976 г. Дж. Картера, выдвинувшего в центр своей внешней политики концепцию "прав человека", Леффлер рассматривает внутрисполитические и внешнеполитические причины ухудшения американо-советских отношений и конца разрядки. Однако особенно губительным для разрядки автор считает введение советских войск в Афганистан: "Леонид Брежнев убил разрядку с США" (с. 334).

Не последнюю роль в ослаблении отношений сверхдержав, как показывает Леффлер, сыграли и попытки СССР продолжить наращивание военной мощи под предлогом выравнивания паритета и ввиду появления у США новых видов оружия (ракет "MX"). Однако в итоге Леффлер подчеркивает, что неизжитые в период разрядки опасения США и СССР относительно намерений друг друга проистекали из глубоко укоренившихся идеологических аксиом. Динамичные изменения в мире и критика оппонентов разрядки увеличивали чувство уязвимости сторон. В результате политика разрядки определяется автором как "передышка, чтобы уменьшить тяжесть гонки вооружений в то время как советские и американские лидеры обратились к внутрисполитическим приоритетам и застраховали их страны от опасности ядерной войны" (с. 337). Определение разрядки как "передышки" (или своеобразного "интервала" в "холодной войне"), на наш взгляд, более перспективно для дальнейшего изучения этой сложной проблемы, чем другая точка зрения, интерпретирующая разрядку как продолжение "холодной войны" иными средствами. Леффлер, хотя и мимоходом, замечает, что разрядка давала лидерам возможность представить картину более рационального мира, где два государства могли бы осуществлять свое соревнование и экономическое развитие мирным путем. Если развить эту мысль, то можно предположить, что истинная разрядка могла бы стать альтернативой "холодной войне" в условиях существования двух систем.

Окончание "холодной войны" Леффлер, как и многие другие исследователи, связывает с деятельностью М.С. Горбачева, Р. Рейгана и Дж. Буша. Отдавая приоритет роли Горбачева, автор в то же время подчеркивает, что конфронтация не могла бы закончиться без вклада президента Рейгана. В отличие от "триумфалистов", которые высоко оценивают отказ Рейгана от идеи разрядки и переход к политике жесткости,

Леффлер считает главной заслугой Рейгана не его желание "оказать давление" на противника посредством гонки вооружений или ведения чужими руками войны против Советского Союза в "третьем мире", а то, что ему удалось обеспечить поддержку со стороны консервативного крыла американского истеблишмента взятого им курса на переговоры с СССР. Проведенное Леффлером исследование всех сложностей процесса выработки и реализации (с 1984 г.) этого курса в контексте внутривластных дебатов и двусторонних саммитов с Горбачевым в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне и Москве дает ему основание заключить, что вкладом Рейгана являлось чувство доверия, которое он сумел вызвать у советских лидеров (с. 462).

Главный же вывод автора, что "именно Горбачев окончил холодную войну" (с. 448), базируется на комплексном анализе происходивших в 1985–1990 гг. изменений в идеологических установках советского лидера и его конкретных внешнеполитических инициатив и акций на международной арене. Однако в этом синтезе решающее значение Леффлер придает "новому политическому мышлению" Горбачева, что сближает его с теми исследователями, которые полагают, что "новое политическое мышление" советского лидера явилось одним из решающих факторов в окончании "холодной войны"¹⁸.

Позитивно оценивая написанную с постревизионистских позиций книгу Леффлера и во многом разделяя концептуальный подход ее автора к изучению истории "холодной войны", хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, он придает слишком большое значение жестким марксистско-ленинским формулировкам относительно американского империализма, западногерманского реваншизма, угрозы НАТО, которые звучали в официальных заявлениях советских лидеров. На уровне выработки конкретной политики в советском руководстве рассматривались и часто принимались во внимание более реалистические оценки и рекомендации, хотя и они не были свободны от влияния государственной идеологии.

Насыщенная фактическим материалом и представляющая интересную, хотя и не бесспорную, интерпретацию "холодной войны", книга Леффлера высвечивает все еще недостаточно изученные в теоретическом и конкретно-историческом плане аспекты глобальной конфронтации сверхдержав, тем самым, стимулируя дальнейший научный поиск.

В отличие от работ Вестада и Леффлера, монография В.М. Зубока "Распавшаяся империя: Советский Союз и холодная война от Сталина до Горбачева"¹⁹ полностью посвящена исследованию советской внешней политики и анализу основных факторов, которые влияли на ее формирование и реализацию.

Тот факт, что Зубок, ныне являющийся адъюнкт-профессором в университете Темпла (Филадельфия), начинал свою научную карьеру в Советском Союзе и сохраняет связи с Россией, позволяет ему лучше понять менталитет и поведение советских правящей и интеллектуальной элит, детально разобраться во внутривластной ситуации в СССР. Это дало автору возможность скорректировать ряд западных оценок. обстоятельному анализу советской внешней политики способствовало и то, что Зубок изучил большое количество новых документов из различных архивов РФ и других стран, использовал личные интервью, мемуары советских партийных и государственных деятелей, критически осмыслил современную историографию проблемы.

Новая монография Зубока, по его собственному признанию, является продолжением исследования "холодной войны" в годы правления Сталина и Хрущева²⁰; в ней находит свое дальнейшее развитие концепция воздействия на внешнюю политику СССР

¹⁸ Brown A. The Gorbachev Factor; *idem*. Seven Years that Changed the World.

¹⁹ Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill (N. Carol.), 2007.

²⁰ Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge (Mass.) – London, 1996.

"революционно-имперской парадигмы", представляющей собой "сочетание геополитических амбиций и коммунистических идеологических принципов" (с. 336).

Вводя понятие "революционно-имперской парадигмы" и оперируя им, Зубок, таким образом, дает ответ на дискуссионный вопрос относительно дилеммы идеологии и политики в происхождении и развитии "холодной войны". Историк также полагает, что предлагаемая им интерпретация внешней политики СССР отвечает новым методологическим принципам в изучении "холодной войны", прежде всего многофакторному подходу.

Выделяя воздействие на советское руководство и народ факторов идеологии и культуры, а также воспоминаний о недавней мировой войне, Зубок, как и Леффлер, придает важное значение роли личности в истории. В отличие от Леффлера, Зубока больше интересуют не мотивы, определявшие внешнеполитическое поведение лидеров, а вопрос о том, насколько нахождение у власти того или иного лидера влияло на ход и исход конфронтации.

История "холодной войны", написанная Зубоком, в значительной степени имеет персонифицированный характер. Сталин предстает в книге как создатель "социалистической империи" за счет расширения территории СССР и вовлечения в орбиту советского влияния стран Центральной и Восточной Европы. Зубок подчеркивает, что Сталин, еще до окончания Второй мировой войны, прежде всего в целях обеспечения безопасности СССР, не только приступил к созданию советской сферы влияния в Восточной Европе, но и одновременно начал распространение в этих странах советских социально-политических порядков, то есть социализацию этих стран (с. 21, 337). С этой точки зрения в книге рассматривается и подход Сталина к решению германского вопроса. Исследователь полагает, что Сталин изначально хотел сделать Германию просоветской (с. 25, 62, 63, 69–73)²¹.

Все это свидетельствует, что Зубок в продолжающихся историографических дебатах относительно начала складывания Восточного блока²² разделяет точку зрения, согласно которой распространение Советским Союзом коммунистических порядков за пределами границ СССР началось в преддверии или сразу же после окончания Второй мировой войны, тогда как ее оппоненты подчеркивают, что поворот советского руководства к ускоренной советизации стран Восточной Европы начался в 1947 г. в значительной степени под влиянием обострения отношений с Западом.

Зубок специально не рассматривает вопрос об ответственности сторон за начало конфронтации. Однако в его книге содержится развернутый анализ стратегии Сталина, направленной на мобилизацию экономической и военной мощи СССР с целью усиления советского влияния в Восточной Европе, в Иране, в Турции и на Дальнем Востоке и сопровождавшейся новой волной внутривнутриполитических репрессий. Историк приходит к выводу о том, что в борьбе сверхдержав за сферы влияния именно сталинская политика, на которую США ответили доктриной "сдерживания" коммунизма, прокладывала путь "холодной войне" (с. 48, 49, 342). Прочное увязывание генезиса "холодной войны" с личностью и деятельностью Сталина, даже принимая во внимание, что предметом исследования Зубока является политика СССР, а не США, в значительной большей степени сближает позицию Зубока по этому вопросу с "неотрадиционалистами", чем с "постревизионистами", хотя в целом его книга следует в русле постревизионистского синтеза.

²¹ Дж. Робертс выступил с решительной критикой интерпретации В.М. Зубоком советской политики в германском вопросе до 1955 г.: *N-Diplo Roundtable Reviews*, v. IX, №10, 2008, p. 32, 33. См. также взгляд Робертса на политику СССР в отношении единства Германии: *Робертс Дж.* Указ. соч., с. 36, 39–52, 56–58, 63–73.

²² *Trachtenberg M.* The United States and Eastern Europe in 1945: A Reassessment. – *Journal of Cold War Studies*, v. 10, № 4, Fall 2008, p. 94–132.

Обращаясь к эпохе Хрущева и отмечая выработку нового подхода к советской внешней политике на базе принципа мирного сосуществования, Зубок полагает, что именно сохранение главных элементов "революционно-имперской парадигмы" и преемственность сталинской внешней политики, хотя и в более гибком варианте, служили основным препятствием на пути конструктивных переговоров СССР с Западом (с. 95, 103, 107). Этот тезис подкрепляется проведенным Зубоком комплексным анализом укрепления лидерства Хрущева в советском руководстве, формирования его внешнеполитических взглядов и поведения на международной арене. Особое внимание обращено на две специфические черты Хрущева-политика: искреннюю веру в мировую победу коммунизма, предопределившую вступление СССР с середины 1950-х годов в борьбу за "третий мир", и ставку на достижение превосходства над США в ракетно-ядерном оружии.

Зубок не разделяет точку зрения, что ядерное оружие заставляло советское руководство вести себя более ответственно. Разделы книги, посвященные "новому взгляду" Хрущева (по авторской аналогии с программой "нового взгляда" Д. Эйзенхауэра, переориентировавшего военную доктрину США на ядерное оружие), помогают в ретроспективе увидеть сколь опасной для дипломатии и далекой от реализма была политика советского лидера, переоценивавшего потенциал советского ракетно-ядерного оружия и возможность ядерного "сдерживания" США. В контексте хрущевской ставки на ракеты с ядерными боеголовками и политики "балансирования на грани войны" (с. 130, 143, 147, 153, 215) Зубоком рассмотрены Берлинский кризис 1958–1961 гг. и Кубинский кризис 1962 г., хотя в последнем случае добавлены идеологические причины защиты мирового коммунизма с учетом усиливавшихся тогда советско-китайских разногласий.

Подводя итог международной деятельности Хрущева и отмечая, что именно исход Кубинского кризиса положил конец его "новому взгляду", Зубок подчеркивает большой урон, который этот лидер нанес советской дипломатии и военному строительству. Это признают и российские специалисты. Вместе с тем, отмеченные Зубоком такие факты, как налаживание торгово-экономических отношений со странами Запада, расширение научно-культурных обменов, обращение к "народной дипломатии", разоруженческие инициативы и "оттепель" на внутреннем фронте (которая среди прочего влияла на формирование новой политической и дипломатической элиты), свидетельствуют о неоднозначности хрущевского внешнеполитического наследия и необходимости более сбалансированной его оценки в сопоставлении с политикой западного блока и новыми тенденциями в развитии "холодной войны".

Рассмотрение процесса разрядки 1970-х годов в книге тесно связано с личностью Л.И. Брежнева. Представленная Зубоком интерпретация политики разрядки, и прежде всего деятельности советской стороны, которая оказалась изученной фрагментарно, в значительной мере отражает современные западные подходы²³. В частности она перекликается с концепцией американского историка Дж. Сури, обосновавшего идею, что разрядка явилась консервативным ответом на развитие диссидентства в обоих блоках и принесла в жертву внутренние реформы ради международной стабильности (тем самым задержав движение "холодной войны" к своему концу)²⁴. Однако Зубок не разделяет мнение Сури, что десталинизация советского общества имела прямое воздействие на советскую дипломатию и переход к политике разрядки (с. 164). Хотя в книге хорошо показано развитие диссидентского движения в СССР (что в значительной мере определяет новизну и является достоинством работы), а также обращено внимание на изменения в менталитете правящей и интеллектуальной элит (предопределившие их последующее влияние на процесс окончания "холодной войны"), иссле-

²³ Kochi N. Introduction. Researching Détente: New Opportunities, Contested Legacy. – Cold War History. Special Issue: Détente and its Legacy, v. 8, № 4, November 2008, p. 419–425.

²⁴ Suri J. Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente. Cambridge (Mass.) – London, 2003.

дователь полагает, что решающим фактором поворота к разрядке явилась неспособность брежневского руководства осуществлять реформы внутри страны (с. 214, 224). В то же время Зубок подчеркивает, что участие СССР в процессе разрядки имело позитивное значение: оно вело к дальнейшей эрозии унаследованной от сталинизма ксенофобии и расширению интеграции СССР в мировое сообщество (с. 191).

В противовес существующей точке зрения, приписывающей инициативу разрядки западным лидерам, в книге детально прослеживается непростой путь Брежнева как "миротворца" к переговорам с США и высоко оценивается его личный вклад в продвижение процесса разрядки и подписание ее основополагающих договоров 1970–1975 гг., особенно в области советско-американских отношений. Анализируя комплекс причин, приведший к краху разрядки, Зубок считает главной причиной неудачи этой политики факт, что обе стороны рассматривали разрядку как «продолжение "холодной войны" менее опасными средствами» и по-прежнему вели переговоры "с позиции силы" (с. 230, 242, 243, 339). Представленная в книге интерпретация политики разрядки, с одной стороны, значительно дополняет и корректирует сложившиеся представления, а с другой – вновь заставляет задуматься о сути разрядки. Существует иной взгляд на разрядку конца 1960-х–начала 1970-х годов, согласно которому она являлась своеобразным "антонимом" "холодной войне". Остается дискуссионным и другой вопрос теоретического порядка: служила ли разрядка пролонгации "холодной войны" или же ее предочленению?

В главах, посвященных концу "холодной войны", получают свое завершение авторские размышления о влиянии на внешнюю политику СССР "революционно-имперской" парадигмы и о роли, которую в критический момент может сыграть находящаяся у власти личность политика. Эти главы насыщены интересными документальными свидетельствами, но отличаются весьма критическими оценками деятельности М.С. Горбачева, начиная с рассмотрения сложившихся в историографии подходов к окончанию конфронтации и распаду СССР. Разделяя точку зрения исследователей, которые отводят важное место роли "нового политического мышления" Горбачева в окончании конфронтации, Зубок подчеркивает, что последний советский лидер слишком опирался на идеи. По мнению автора, "значимость имели не идеи сами по себе, а то, как историческая личность их воспринимала и делала своими собственными" (с. 309). Горбачев заменил "революционно-имперскую" парадигму мессинской концепцией "нового мышления", которая пренебрегала "национальными интересами" СССР (при рассмотрении вопросов о событиях в Центральной и Восточной Европе, при ведении переговоров с западными лидерами) ради горбачевской идеи построения глобального мира на основе сотрудничества и отказа от применения силы (с. 310, 315, 341). Зубок делает особый акцент на отрицательном отношении Горбачева к использованию силы, поскольку полагает, что более широкая возможность силового вмешательства в урегулировании кризисной внутривнутриполитической ситуации с конца 1980-х годов (в комплексе с другими мерами) могла бы предотвратить распад СССР. В целом Зубок, критически оценивая "новое мышление", заключает, что оно превратилось для Горбачева в самоцель и сопровождалось рядом политических ошибок. Однако историк признает, что, несмотря на изъяны "нового политического мышления" (ответственного и за распад советской империи), оно вело к окончанию "холодной войны" (с. 344).

Как же в итоге определяется "холодная война", рассмотренная преимущественно сквозь призму советской внешнеполитической деятельности и на основе многофакторного подхода? В начале своего исследования Зубок отмечает, что об истории "холодной войны", благодаря изобилию документальных свидетельств, теперь можно писать не только как о столкновении великих держав и накоплении ими смертоносного оружия, а как об истории людей со всеми их надеждами и ошибками (с. IX). Тем не менее, Зубок предпочитает оперировать "биполярной" схемой противоборства между СССР и США. Однако, опираясь на проведенное им исследование и новые работы, включая книги Вестада и Леффлера, Зубок значительно расширяет параметры "хо-

лодной войны". Он приходит к выводу, что "холодная война" являлась одновременно геополитической и идеологической конфронтацией, столкновением двух форм модернизации, двух образов жизни и двух потенциальных глобальных империй (с. 337).

Таким образом, всестороннее исследование в книге Зубока внешней политики СССР, несмотря на заметное присутствие авторского субъективизма (из-за наложения на многообразие конкретно-исторического материала концепции "революционно-имперской" парадигмы и авторской интерпретации роли личности), углубляет понимание "холодной войны". В то же время книга отчетливо показывает необходимость дальнейшего изучения этого сложного феномена международных отношений и его последствий в современной мировой политике.

Рассмотренные монографии западных исследователей дают представление об основных тенденциях в формировании «новой истории "холодной войны"». Прежде всего – это опора на широкую документальную базу, оперативное вовлечение в научный оборот новых архивных документов из разных стран. На этой основе возвращается интерес к идеологическому фактору, уделяется особое внимание странам "третьего мира", взаимоотношениям сверхдержав с союзниками по блокам, поднимается и такой важный и все еще малоизученный вопрос как воздействие "холодной войны" на общество. В частности, насколько соперничество двух моделей социально-политического развития и модернизации (в том числе в военной сфере) влияло на развитие науки и техники, высшего образования, формирование и положение элитарных групп. При обращении к такому все еще дискуссионному вопросу, как время начала "холодной войны", находит все больше обоснований датировка 1947–1948 гг., а не 1944–1945 гг., и тем более не 1917 г. Выявляется необходимость дальнейшего изучения далеко неоднозначного периода разрядки. Расширяется исследование истории конца "холодной войны".

Эти проблемы в той или иной степени находят отражение и в трудах российских исследователей, правда, в значительно большей степени ограниченных доступом к архивным документам. Однако, несмотря на этот факт, серьезно препятствующий всестороннему исследованию ряда внешнеполитических и военных проблем, в российских архивах существуют рассекреченные и недостаточно изученные комплексы документов, которые в совокупности с результатами научной работы, уже сделанной зарубежными коллегами, создают возможность для дальнейшего изучения новых аспектов истории "холодной войны".

Весьма перспективным направлением работы российских специалистов может стать углубленное изучение политических и экономических взаимоотношений СССР со своими восточноевропейскими союзниками, рассмотрение механизма функционирования советской внешнеполитической пропаганды, "народной дипломатии", исследование отдельных направлений внутреннего фронта "холодной войны" (экономического, социально-политического, культурного) и ряд других проблем. Важную роль в продвижении российских исследований по пути создания «новой истории "холодной войны"» может сыграть привлечение к ним молодых специалистов-международников, расширение научных контактов в самой России и за ее пределами.